

Рисунок Настасьи Половой

Что такое столица страны? Это ее лицо, сердце, душа, разум? А может быть, гордость, любовь или позор? Или это каменный некрополь мыслей и амбиций правителей страны и их самых властных нукеров? Ведь у каждого, даже самого великого архитектора есть тот, кто ему заказал его гениальное творение и дал на него деньги. А деньги любят силу и удачу, так что неизвестно, кто вложил больше своего таланта и души в постройку кремлевских стен — итальянские зодчие Фрязины или жена Ивана III, византийская принцесса Софья Палеолог? И поднялся бы город

Петров без личности самого царя Петра, что готов был обезлюдить ненавистную лапотную и бородастую Русь ради Северной Авроры!?

Дворцы, памятники, храмы, парки, небоскребы расскажут внимательному и думающему прохожему намного больше об истории страны, чем летописи. В книге легко творить, в камне намного тяжелее, поэтому камни правдивее. Чем тверже материал, тем он дольше держит форму-истину. Да, в наш лживый век Интернета невозможно принять, что для того, чтобы познать дорогу, надо натрудить ноги. Легче поверить в то, что можно

жить и в нарисованном доме. Тех, кто готов посвятить свой столь короткий век созданию упорядоченных структур из стали и бетона, становится все меньше. В постиндустриальном обществе, в котором нет войны несколько веков, поднакопились материальные ценности — и образованные люди готовы проповедовать всеобщее равенство и братство, поскольку голод и великий труд предков выглядят уже не более чем вымысел киношников.

Эти мысли крутились у меня в голове, когда я, идя по 5-й авеню в Манхэттене и испытывая необычный прилив энергии,

остановила свой взгляд на небольшой группе полицейских, стоявших у входа в Трамп-тауэр. «Интересно, что они здесь делают? И почему так много японских и корейских туристов фотографируются на их фоне? Фу-ты ну-ты, совсем забыла — здесь же расположена квартира президента США Трампа, поэтому и стоит пять-шесть полицейских». Теперь почти каждый грамотный человек знает, где расположена квартира сорок пятого президента США, а вот где находится квартира президента России, знают лишь избранные. Глядя на небоскребы, построенные компанией Трампа по всему миру, можно очень многое сказать о его характере, взглядах, деловых качествах, мировоззрении. Вот и хотели сильные мира сего строить города, чтобы потомки могли хоть что-то истинное сказать о них. Правда, современные правители в большинстве своем — это, скорее, фантомы: не строят они ничего, они далеки от людей и мира материального созидания подобно звездам. А как мил король, который делает хоть что-то собственными руками.

Да, начало этого века выдалось бурным — войны, революции, разрушение старых и строительство новых стран и городов. Как, впрочем, и начало прошлого, и позапрошлого веков тоже.

Сто лет тому назад взорвалась моя родная планета — Российская империя! Рассыпались, разлетелись по всему свету ее осколки-люди! Какие-то прижились на чужой почве, дали всходы, были счастливы и забыли «райские кущи» Родины. Работали себе в поте лица и рожали в муках детей. Знали слова «нельзя» и «не положено» и больше не экспериментировали с формой и содержанием. Эти эмигранты-осколки долгое время резали своими острыми краями плоть сытых развитых стран, не давая прорасти

там идеям раздела накопленного имущества между всеми членами общества. Но они умерли, а их потомки все чаще становятся яркими борцами за «демократию и всеобщее равенство».

Революция — какое сладкое и страшное слово! Время, когда энергия взрыва убивает одних и наполняет парашют катапульты у других! Бумага, краски, пластилин, слово, а порой и архитектура начала прошлого века сперва предвосхитили, а потом и впитали эту энергию взрыва, сложившись в уникальное явление — русский авангард. Если предположить, что мир — это огромная цветная мозаика, то взрыв превращает ее в бесчисленные осколки. И даже если ссыпать их обратно в то же пространство, все равно уже никогда вновь не получится прежняя картина мира, а будут лишь возникать случайные сочетания цветных геометрических фигур и узоров.

Да, да, мир после революции, скорее всего, стал подобен таким стекляшкам внутри калейдоскопа, с которым мы так любили играть в детстве. Красиво, но лишено малейшего смысла.

Отрицание Бога и справедливости сотворенного Им мира, вседозволенность и дерзновенность разбили сознание и мировосприятие миллионов людей, что привело к отображению окружающего мира в виде осколков. И пока рождалась новая структура мира, яркие фрагменты сыпались с живописных полотен и книжных страниц, с каменных фасадов и театральных подмостков. Внутренний мир человечества отражал внешние разрушения, а потом на руинах старого возникли новые структуры, монстры коммунизма и фашизма.

В этом году, через сто лет после русских революций, во многих музеях мира открылись выставки революционного искусства —

русского авангарда. Я миновала Трамп-тауэр, свернула на 56-ую улицу и проследовала в знаменитый МоМА — Нью-Йоркский музей современного искусства, там сегодня должно было быть много людей, догадывающихся, где находится Россия.

В музее действительно было очень много посетителей, причем в основном молодежь до тридцати лет, с рюкзаками и без, в костюмах и джинсах, с фотоаппаратами и блокнотами, бородатых и лысых, всех цветов кожи и разрезов глаз. Если бы какому-то режиссеру вдруг взбрело в голову поставить фильм обо всем человечестве, собранном одновременно в одном пространстве, то, несомненно, он пришел бы его снимать именно в МоМА.

На стене третьего этажа висел огромный плакат с названием выставки: «Революционный импульс», а рядом пристроилась молодая пара. Она — высокая блондинка лет двадцати пяти, русская. Он — американец: джинсы, свитер и вязаная шапочка в форме носка на голове.

— Подожди, прежде чем ты направишься смотреть эту выставку, ты должен себе представить, что эти полотна создавались в то время, когда в России произошла революция, выгнавшая и уничтожившая состоятельных людей и разделившая их состояние между бедными. Тогда в творческом пространстве не существовало никаких авторитетов. Бога отменили, и каждый мог стать «новым богом». Художники экспериментировали с формой, содержанием и создавали вещи, которые шокировали и изумляли окружающих! — начала свою лекцию девушка тоном заправского экскурсовода-искусствоведа.

— Послушай, Кэт, ты говоришь как вся нынешняя демократически настроенная американская моло-

дежд, так что в твоих словах нет для меня ничего нового! — весело прервал девушку парень.

— Джейсон, ты произносишь ужасные вещи, как можно выгнать людей из их домов только потому, что они богатые, уничтожить их, убить их детей, разграбить все, пользуясь тем, что ты сильнее и у тебя есть оружие! Моя страна уже сто лет не может забыть ужас тех событий! — пыталась девушка передать другу свое понимание революционной эпохи.

— Американское правительство платит пособия всем, кто не хочет нормально работать, чтобы они не начали грабить! — в свою очередь попытался возражать Кэт ее американский друг.

— Да посмотри вокруг, Джейсон, таких бездельников в Америке становится все больше и больше, и правительство печатает деньги, чтобы накормить их. Мне кажется, что многим американцам это надоело, — начала горячиться девушка.

— Так ты за Трампа, у тебя республиканские взгляды! Не зря во всех газетах пишут, что это русские помогли Трампу стать президентом США! — рассмеялся парень, продолжая раззадоривать свою подругу.

— Я не хочу говорить о политике, но искусство, к сожалению, отражает в том числе и политические взгляды, особенно искусство начала двадцатого века. Пошли за мной и смотри, — закончила диалог девушка, и пара удалилась к стене, где демонстрировались полотна Натальи Гончаровой, Василия Кандинского, Марка Шагала, Казимира Малевича. — Этих художников, Джейсон, знает весь мир, — продолжала экскурсию девушка.

— Конечно, я видел две огромные картины Шагала в Метрополитен-опере. Там нарисованы интересные типажи, я часто наблюдал таких людей в кипа-

лах, выходящих из синагоги, что расположена недалеко от моего дома. И еще я был на очень веселой ортодоксальной еврейской свадьбе, поэтому я понимаю, почему Шагал так рисовал. Ведь он родился в еврейском местечке, в Витебске, там же творили Кандинский, Эль Лисицкий, Казимир Малевич — и все в одно и то же время русской революции, в 1918–1920 годах. Они разбивали привычный мир предметов, изображали хаос и жаждали покоя. Там что, было гнездо русского авангарда? Хотя многие его представители, так же как и многие большевики, были евреями, а не русскими. Но я привык, у нас в Америке все евреи, говорящие на русском языке, считаются русскими, поэтому когда я познакомился с тобой, я очень удивился, что ты не еврейка, хотя говоришь по-русски, любишь революцию и русский авангард, — продолжал парень шепотом, поскольку окружающие зрители начали с интересом вслушиваться в их разговор. — Помнишь, когда я встретил тебя, то сразу спросил: «Ты такая красивая, умная и сексуальная девушка, где твой парень?» А ты мне на это очень зло и ехидно ответила: «Сдох от счастья!» Я тогда смеялся до икоты и сразу понял, что ты похожа на русскую революционерку, только тебе не хватает кожаной куртки и нагана! Ха-ха-ха! — продолжал улыбаться Джейсон, стараясь обнять девушку за плечи.

Высоко под потолком второго зала экспозиции в верхнем углу между стенами был сконструирован объем из прозрачного стекла, где стояла открытая папка, внутри которой располагалась голова женщины в шляпе, по внешнему виду, скорее, напоминавшая инсталляцию из чипсов или рыжего картона. Внизу, на полу, напротив этой скульптуры сидел, скрестив

ноги, мальчик-японец и, глядя на голову женщины в шляпе, пытался сложить похожую композицию из одного квадратного бумажного листа. Недалеко от него, подперев стену, терпеливо стоял мужчина, скорее всего, его отец. Как только мальчик комкал лист бумаги, решив, что выбранный им способ складывания листа не приведет к желаемому результату, мужчина открывал свой портфель, доставал оттуда следующий точно такой же лист и протягивал мальчику. Вокруг этой пары собрались в круг человек десять-двенадцать, причем не только японцев, но и американцев.

— Жалко мальчишку, он приходит сюда, на выставку, вместе с отцом уже четвертый день подряд. Все сидит на полу и пытается повторить эту голову, которую сделал Наум Габо, — рассказывала о происходящем смотрительница музея вновь подошедшим зрителям.

— Вы же профессионал, многое знаете о выставке и о технике изготовления экспонатов, могли бы объяснить мальчишке, что эта женская голова сконструирована художником из металла и целлюлоида! — попробовал громким шепотом посоветовать очередной наблюдатель.

— Дело в том, что мальчик является победителем многих очень известных турниров по оригами, древнему японскому искусству складывания фигурок из бумаги. И он поспорил с отцом, что сможет сложить из листа бумаги голову женщины в шляпе наподобие произведения маэстро Габо. Я попробовала ему рассказать о технике создания этой инсталляции, но маленький японец мне холодно ответил, что из листа бумаги, как утверждает искусство оригами, настоящий мастер может создать весь мир. Вот и пытается достигнуть четвертые сутки совершенства, — грустно поведает-

ла пожилая дама в строгом сером костюме, сама похожая, скорее, на музейный экспонат.

— Как это верно вы подметили, ведь японская пословица гласит о том, что пять процентов сил человек тратит на выполнение девяноста пяти процентов необходимой работы и все оставшиеся силы использует на последние пять процентов для того, чтобы достичь совершенства. Этот мальчик — воплощение японского характера, — поддержал разговор сухонький старичок, говоривший явно с мягким французским акцентом. — Я приехал из Квебека и совсем не ожидал, что на выставке «упаднического» искусства русского авангарда увижу что-то подобное. Я прихожу сюда четвертый день подряд, чтобы понаблюдать за работой этого несомненно гениального мальчугана. И какая символика! Французская и Русская революции породили разрушения и осколки, что взирают на нас с этих стен, а японский мальчуган своим пространственным воображением и руками доказывает нам, что мир не может разрушить никакая революция. Ведь все сделано из одного и того же бумажного листа и имеет одни и те же основы. Фантастика! Господа, я предлагаю делать ставки. Ставлю сто долларов на то, что мальчик не победит хаос и не сделает голову женщины из одного листа!

— Что вы, что вы, джентльмены, азартные игры запрещены в стенах музея. Я буду вынуждена сообщить об этом администрации, — замахала руками смотрительница и зашикала на старичка.

От стены отделился отец мальчика, подошел к пожилому джентльмену, предложившему ставку, и четко произнес:

— Уважаемый, в стенах музея не положено заключать пари, но за его стенами я готов поставить тысячу долларов против ваших ста на

то, что мой сын делает в строгом соответствии со всеми правилами искусства оригами голову женщины в шляпе, подобно той, что вы видите перед собой!

— Bravo! Bravo! Вот это вера в силы своего сына! Меня зовут Мишель Друзи, — сказал пожилой мужчина из Квебека и протянул японцу руку для знакомства. — Я совладелец выставленной здесь коллекции русского авангарда, и в случае успеха вашего сына с удовольствием приобрету его работу для дальнейшего экспонирования. Представляю эффект, который произведет новая «Голова женщины» рядом со старой с пояснениями и фотографиями, как это было сделано. Поэтому я прошу, если вы согласны, продать будущую работу вашего сына, разрешить мне начать фото- и видеосъемку всего происходящего, — блестяще завершил свою провокацию француз.

— Так зачем вы поспорили со мной? Если сами верите в успех моего сына? — неожиданно эмоционально удивился японец.

— Простите, это старая привычка-примета: если хочешь выиграть бой, раззадорь как следует бойца! Извините старика! — продолжал шутить старый джентльмен, опираясь на изящную трость с набалдашником из слоновой кости в виде головы бульдога. Бульдог — он и есть бульдог во всем! — Понимаете, экспонирование предметов искусства — само по себе отдельный вид творчества, имеющий много ипостасей. Я считаю, что персонажи, абстракции и предметы, изображенные на полотнах, должны выходить в реальный мир, иметь в нем своих двойников, что ли...

— Как это? — удивился японец.

— Несколько лет тому назад я путешествовал по Европе, и друзья пригласили меня на одну из выставок импрессиони-

стов. Это был закрытый вечерний показ, и посетители пришли туда в одежде персонажей, изображенных на полотнах Моне, Дега, Лотрека, Ренуара. И я обалдел от того, что картины по-настоящему ожили среди этих гуляющих персонажей. И тогда я придумал выставку «Импрессионизм и экспрессия», заказал точные копии костюмов и платьев, которые носят персонажи на картинах импрессионистов, облучил в них манекены и расставил среди полотен. И все, что изображали великие художники, проявилось намного ярче: и чувства, и настроения, и мысли, — рассказывал пожилой джентльмен, сразу помолодев как минимум лет на двадцать.

— О, это была чудесная выставка, удивительная по своему эмоциональному накалу! Я была на ней в музее искусств в Чикаго, где находится одна из самых интересных коллекций импрессионистов, — включилась в разговор Катя, поскольку они с Джейсоном как раз сделали круг по залу и тоже подошли посмотреть «Голову женщины» Наума Габо. — Я понимаю, почему теперь вы назвали выставку «Революционный импульс». И вижу, что с помощью документальных кадров, запечатлевших наиболее эмоциональные моменты революции — такие как расстрел демонстраций, разрушение толпой рабочих царской символики на зданиях Петрограда и Москвы, похороны Ленина, — вы постарались показать посетителям выставки эпоху, во время которой создавались эти произведения. — Девушка очертила круг рукой, указывая на экспонаты, о которых она упомянула. — Но, простите, в мое время уже никто не хочет трагедий, и модель паровоза или то, что делает сейчас этот японский мальчик, куда лучше оживляют

экспозицию, чем документальные кадры.

— Какая же вы умница, вы тоже почувствовали диссонанс между этими страшными и трагичными документальными кадрами и яркостью образов художников русского авангарда. Они как будто хотели яркими красками и необычными формами заблокировать свое сознание от ужаса происшедшего тогда рядом с ними. И я, глядя на все это, решил создать другую выставку с этими же экспонатами, но в ней рассказать еще и о людях, о судьбе семей, которые, поднятые импульсом революции со своей родной земли, уезжали в другие страны. Брели, прижимая к себе детей и унося с собой эти картины, эстампы, плакаты, иллюстрированные книги, хранимые ими многие годы, не только как память о своей прошлой жизни, а но и как символ некоего моста, посредством которого можно было физически соприкоснуться с утраченным счастьем. В то время люди уезжали, несомненно, с надеждой на возвращение, погибшей, увы, вместе с ними, — начал рассказывать господин Друзи, светлея от того, что нашел неравнодушных слушателей.

— Вы романтик, сейчас молодежь более прагматична и любит картины русского авангарда прежде всего за то, что они обеспечивают яркие пятна в интерьерах, — продолжила беседу Кэт. — Эти плакаты с прекрасными женскими ножками в окружении ножек фотоаппарата или руками, поднятыми в едином порыве народного голосования, воспринимаются лишь как яркие эстетические формы, и мало кто, кроме специалистов-историков, может уже понять политические надписи на них. А “творческий опыт железобетонной постройки поэм” Василия Каменского сейчас

вообще может понять только литератор, специализирующийся на его поэзии. — Девушка вела беседу, почему-то непрерывно теребя в руках ремешок своей сумочки.

— Это ты зря, дорогая, — неожиданно вступил в разговор Джейсон, — я вот, глядя на эти книги Василия Каменского, не зная русского алфавита и языка, основываясь лишь на конфигурации напечатанных букв и строк, очень хорошо представил себе, как этот поэт приезжал в Нью-Йорк в начале прошлого века и был поражен чудом строящихся небоскребов на 5-й авеню и Бродвее. И тогда, вероятно, он захотел построить точно такой же небоскреб в своих стихах, используя, в буквальном смысле, буквы и слова как строительные конструкции. Посмотрите сюда, видите, вот это крыша, это стальные балки, в это перекрытия, и неважно, чего это хребет — здания или поэмы. Главное в этом во всем — ощущение силы! Поэтому и свою поэзию он называл «железобетонной»!

— Ха-ха-ха, какой вы молодец, юноша! У вас прекрасное пространственное воображение! Но, к сожалению, Василий Каменский никогда не был в Америке, а конструировал свои поэмы и книги, возможно, видя образы небоскребов, создаваемых, скорее всего, солнечными лучи, ломавшимися о купол облаков. Ведь он был не только поэтом, но и авиатором. Америке же посещал другой великий русский поэт-футурист Владимир Маяковский. Некоторые его стихи своей точностью образов и размером стиха тоже напоминают некие конструкции.

Знаете, русские всегда считают, что они обо всем знают больше, чем другие. Берегитесь — это очень уверенная нация, но зато женщины необычайно красивы.

Спасибо, вы открыли мне глаза, я буду делать эту выставку по-другому. Надо найти неожиданную схожесть между экспонатами этой выставки и окружающим миром. Например, если Василий Каменский называл свою поэзию «железобетонной», то рядом с его иллюстрированными книгами можно поставить модели стальных каркасов зданий, по форме совпадающими с пространственной структурой его стихов. А еще лучше часть этих моделей собрать из детского цветного конструктора. Гениально, спасибо, я понял, как сделать этот «революционный импульс» действительно революционным! — И Мишель Друзи поспешил к лифту.

А я, «растопырившись глазами» на Трамп-тауэр и Таймсквер и напивавшись идеями искусства революционного импульса, отправилась в отель, намереваясь собрать из конструктора, купленного в подарок внуку, пару моделей «железобетонных» поэм Василия Каменского. Действительно, ведь в начале было слово, и из него было построено все остальное!

На этой фразе можно было бы и закончить рассказ, но перед моими глазами был японский мальчик, сидящий на полу музея. Действительно, а что мальчик? Сумел ли он повторить «Голову женщины» из единственного бумажного листа? Очень хотелось через несколько дней вернуться в МоМА на выставку русского авангарда и увидеть рядом с инсталляцией Наума Габо голову женщины, сделанную уже маленьким японцем. Однако я решила — пусть лучше читатель выберет окончание рассказа сам, исходя из собственной веры в творческую силу и воображение человека. Для меня, конечно, японскому мальчишке все удалось, и он достиг совершенства мастера оригами.